

Сергей Поваляев
РАЗГОВОР
о серьёзном

Гражданская и философская лирика

Сергей Поваляев
РАЗГОВОР о серьёзном.
Гражданская
и философская лирика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64091956
ISBN 9785005330161

Аннотация

В настоящий сборник поэта вошли произведения гражданской и философской лирики, в которых автор пытается ответить на многие вопросы нашей жизни через собственное понимание этого мира.

Содержание

Размышления о серьёзном	5
Политика	9
Я у жизни постоялец	10
Жизнь – не кино	11
Шёл спор. Предмет – бытийный Мир	12
Всё думаем – ещё успеем	13
Призраки и Пантеоны	14
Вас простили	16
Не забывайте	17
Старому другу	18
Учителя наши седые	20
Жизнь проходит	21
Успей	22
Сумей понять	23
Мужики уходят рано	24
Память	25
Одиночество	26
Совпадение рук	28
О патриотизме	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

РАЗГОВОР о серьёзном Гражданская и философская лирика

Сергей Поваляев

© Сергей Поваляев, 2021

ISBN 978-5-0053-3016-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Размышления о серьёзном

Кто был рядом, кто с боку,
Кто вообще не у дел,
Похоронят Эпоху,
Каждый так, как сумел.
Кто-то розу положит.
Кто былинку всего.
Ну, а кто-то, возможно,
Вообще – ничего.
Время метит дождями
Замогильную слизь.
Каждый так и прощается,
Как его вышла жизнь.
Кто был рядом, кто с боку,
Кто вообще не у дел,
Похоронят Эпоху,
Каждый так, как сумел.

А, Родина – не хуже и не лучше.
А то, что отпустил нам Бог.
И с Нею сердце, до своих излучин,
Когда и вдоль, и даже поперёк.
Идёт с Ней жизнь, судьба твоя проходит,
Высокий подвиг и предательство порой.
И никогда Земли иной не будет,

Где мамы колыбельная с тобой.
Над отчим домом аисты летают.
Горсть урожая, где их гнёзд венцы,
Чтоб и у них на Родине рождались,
И оперялись славные птенцы.
Нас ожидают праздники творенья,
Конца ветров, прозрения любви.
Где общий стол не просто во спасение,
А это – Родина, где только вместе Мы!

Вступление в мир – твоя премьера.
Сценарий жизненный сыграть
Тебе дал Бог, в тебя поверил.
Что можно лучшего желать?!
Восходишь к рампе ты без грима,
Чтоб нервно жили все черты.
Твой монолог, как крик единый,
Ты не артист, а гений ты.
Тебя, внимая, понимают,
И сопричастно все с тобой,
Твою судьбу переживают,
И принимают твою роль.
Желтеют старые афиши.
Твой голос хрипом отдаёт.
А кто-то той премьерой дышит,
И до сих пор ею живёт.

Кухня. Мы одни с тобой сидим.
За окном метель от длинных зим.

На замёрзшем ночь ведёт стекле
След кометы, брызжущей во мгле.
На столе стоит остывший чай.
Разговор как будто невзначай.
Разговор и ни о чём, не про кого —
Словно не осталось ничего —
И не в памяти, не на твоей душе.
Только боль уставшая уже.
И глаза родные, что глядят.
Только в них чужой проснулся взгляд.
Кухня. Мы одни с тобой сидим.
Рассвело. О чём-то мы молчим.
В дверь звонят и надо бы открыть.
И окажется – всё можно изменить.

Я всё время кого-то играл,
И по капле всю жизнь отдавал,
До скончания души, и до боли,
Ради новой, не сыгранной роли...

Так играй – пусть не гимн.
Так входи – пусть не царь.
Чтобы всем, как один,
Захотелось бы встать!

Как важно, среди всякой мути,
Не захлебнуться иногда.
А, всё-таки, дойти до сути,
Где будет чистая вода.

Её, с ладошки, осторожно,
Ты будешь по глоточку пить,
Чтобы дыхание хорошее,
Уже ничем не замутить...

Не торопись судьбе давать на чай

Уйми щенячью радость в своих думах.
Не торопись судьбе давать на чай.
Как следует распробуй жизни блюдо,
Быть может в нём не радость, а печаль.
И, вроде, заказал желаний много,
По прейскуранту, в собственном соку.
Но неизвестно, как там приготовлено.
И что тебе в итоге принесут.

Я проживу ни шатки и ни валко

Я проживу ни шатко и ни валко.
И как предписано, так жизнь моя пройдёт.
Пусть даже что-то будет и насмарку,
Но главное – не задом наперёд!

Политика

Политика есть блюдо,
Что подают горячим.
Но берегите губы —
Не обожгись раздачей.
Стоит крешон холодный
Для остуженья гланд.
Товарищ, мой голодный,
Крешоны – ресторан.
А мы с толпой потеем,
Да так, что мочи нет.
Столовая. Тефтели.
Закрытый туалет.
И втихаря дружинник,
Компот весь иссушил,
За угол, где чернилят
Обычно алкаши.
Политика как дань нам.
Но помните о том,
За ней идёт желанье
Мочиться за углом...

Я у жизни постоялец

Жизнь свою сдаёт жилплощадь
По умеренной цене.
И надеяться на большее
Уже вряд ли стоит мне.
Я прилежный постоялец-
Все жировки на гвозде.
И с достоинством, на пальце
Ключ кручу пока везде.
Жаль, родни у жизни много,
Всё вселиться норовит.
Видно скоро, мне убогому,
Жизнь и съехать повелит.
И куда потом податься,
И хотя бы угол снять?!
Постояльцу трудно, братцы.
Да ничего не поменять...

Жизнь – не кино

Жизнь не кино, где кадр идёт за кадром,
И лишь в конце нам зажигают свет.
А в жизни ничего тушить не надо,
Всё слепо в жизни, когда света нет.
Бывает, что приходят сны к нам ночью,
За кадром кадр, как старое кино.
Но сны нам свет вернуть не правомочны.
И только жизнь с рассветом всё равно.

Шёл спор. Предмет – бытийный Мир

Шёл спор. Предмет – бытийный Мир.
Не в смысле, что является первичным.
А по-простому, прямо, по-привычному:
Исчезнет ль Всё, когда исчезнем Мы?
Житейское высокое по сути,
Что целой философии сродни.
Стираются эпохи, годы, дни.
Но, слава Богу, остаются Люди!

Я адреса по жизни не меняю

Я адреса по жизни не меняю,
Маршруты выбираю по душе.
И захожу туда, где ожидают.
Вернее, заждались меня уже.
Я, словно почтальон, судьбой поверенный.
К друзьям с хорошей весточкой иду.
Знакомый адрес. Нараспашку двери.
Поспел к обеду, и к столу зовут...

Всё думаем – ещё успеем

Всё думаем-ещё успеем,
Ещё есть время впереди:
Слова сказать на юбилее,
И просто встретиться, зайти.
А впереди – оно выходит
Так, как даёт раскладку жизнь.
Друзья безвременно уходят,
До юбилеев не дожив.
И мы стоим, венки сжимая,
Всю душу выплеснув сполна.
И повторяем, запинаясь,
Все запоздалые слова.

Призраки и Пантеоны

Цвета хаки френч без сноса
И стекляшками пенсне.
По ковровому, по ворсу,
По Кремлёвской полутьме,
Он идёт вальяжным шагом
Мимо строгих часовых.
Бьют куранты с каждым часом
Громко, приглушить бы их.
Кабинет с дубовой дверью,
И с портретом на стене.
Вот зашёл товарищ Берия,
Словно крадучись, к себе.
На столе лежит бумага
С синей визою Вождя.
Расстрелять кого-то надо,
А кого-то — в лагеря.
Ночь июньская играет
Красной тенью на стене.
Он, как призрак, выплывает,
Шаря фарами пенсне.
А Москва встаёт тихонько,
И зевает поутру.
Бьют часы на Спасской звонко,

А ему не по нутру,
Что уже иные лета
В Александровском саду.
Вождей убраны портреты,
Даже Главный не в ходу.

Крошка брусчатки и цемент.
Закатают урну с прахом.
И сварганят монумент
Небольшой, единым махом.
Словно серые столбы
Эти прошлые столпы.
Учителя, мучители,
Партийные правители.
И кого здесь только нет!
Тень на лицах, а не свет.
Ночью рыжими глазами
Фонари по лицам шарят.
Им землицы не досталось.
И судьба такою стала —
Чтобы вечно видели
Гранитный их президиум.

Вас простили

Вас простили только словом.
А в душе, что там – как знать.
И не все прощенья повод,
Чтобы руку подавать.
Прощены уже вы, вроде,
Искупились от всего.
Только чувство вновь приходит,
Что не простилось ничего.

Не забывайте

Ловите жизни ветер свежий,
Чтоб одуванчиком с руки.
Носите лёгкие одежды-
Не надевайте сюртуки.
Не оставляйте память жизни
Свою на долгое потом.
Не забывайте, как вы вышли,
И захотелось – босиком...

Старому другу

До свиданья, друг мой старый,
Друг любимый, дорогой.
Ночь глядит луной устало —
Засиделись мы с тобой.
Разговоры, разговоры
Можно так и до утра.
Но уже часы торопят,
Но уже домой пора.
На пороге, на пороге
Ты обнимешь, мой дружок.
И нальёшь в стакан немного —
Ну, давай на посошок!
Хорошо мы посидели,
Так спокойно на душе.
Надо будет на недельке
Пригласить тебя к себе.
А на кухоньке, на маленькой,
Дым от крепких сигарет.
На столе альбом оставленный,
Как от юности привет.
Город спит, окно иконкой,
В свет лампадный фонарей.
Не теряйте, ради Бога,
Старых дорогих друзей.

Седины уже немерено,
И бессонница опять.
Для друзей, жаль, колыбельные
Не умеем мы писать.

Учителя наши седые

Наши наставники – года,
Учителя наши седые.
Пусть мы ученики плохие,
Но оставляет навсегда
Нам парта жизни след глубокий,
Где лучик зайчиком опять.
Ты тянешь руку отвечать.
Как было раньше, на уроке.

Жизнь проходит

Жизнь проходит днями кряду,
Как повторное кино.
Но останется за кадром,
Что увидеть не дано.
Или что-то не досняли,
Или спрятали от глаз.
А скорей всего, что сами
Не на тот пришли сеанс...
Не греши, что не хватает света
Не греши, что не хватает света.
Было бы желание к нему.
И никто не виноват поэтому,
Что кого-то тянет в темноту...

Успей

Успей к вечерней тишине,
Когда замрёт теченьем речка.
К ночной небесной вышине,
Где звёзды зажигают свечи.
Успей родившейся рассвет
Не разминуться дать с собою.
И подними ему в ответ
Бокал, наполненный росой.
Успей к всему, что так зовёт,
И прислониться к нам желает.
Жаль только, чаще жизнь идёт,
Где мы всего не замечаем.

Сумей понять

Сумей понять, отбросив все сомнения,
Что злом одним не справится со злом.
Заблудшим подари своё прощение.
Навстречу свисту – выйди на поклон.
И за предательство не делай казнь жестокой:
Не надо инквизиции, поверь.
А дай возможность, чтобы сам всё сделать смог бы.
Один патрон – и в руки револьвер!
И кто виной, что чаще сжаты зубы,
И тьма причин, и это неспроста?!
И не кривить хотелось вовсе губы,
А распахнуть навстречу всем уста.

Мужики уходят рано

Сигареты дымят рьяно,
Обжигая пальцы рук.
Мужики уходят рано —
Невзначай, и как-то вдруг.
Сиротливая ограда.
И не верится порой-
Те, кто был когда-то рядом,
Уже больше не с тобой.
И на сердце словно рана,
Эту боль не заглушить.
Мужики уходят рано.
А ещё бы жить и жить...

Как мы в жизни всё перевирали

Как мы в жизни всё перевирали,
Между интервалами минут!
Успевали там, где нас не ждали.
И опаздывали вечно там, где ждут!

Память

Свою я память не зову —
Она и так, как наяву.
Свой доверяет тайный смысл.
Она – моя вторая жизнь.
Её ключей пусть нет в кармане,
На связке средь иных ключей.
А открывают всё и сами,
И служат до последних дней.

Одиночество

Ночь длиннее, а день всё короче.
Не смыкает бессонница глаз.
Одиночество- это пророчество,
Что сбывается здесь и сейчас.
Предсказаниям прошлым не верилось.
Отводил их своею рукой.
Одиночество шторами стелется,
Не покойный даря упокой.
Всё казалось, что шумного много.
От всего ты хотел убежать.
Всё искал посвободней дорогу,
Где чужие следы не видать.
И к тебе прислоняться не смели.
Иногда прикасались едва.
Только рядом идти не хотели,
Торопились расстаться всегда...
Что случилось, то и случилось.
Не смыкает бессонница глаз.
На кровати сидит опостылое
Одиночество здесь и сейчас.

Хорошо, что есть старые письма

Иногда вдруг рождаются мысли,
Что-нибудь почитать для души.

Хорошо, что есть старые письма.
Только делись куда-то очки.
Вновь напасть с ними вечная эта.
Всюду ищешь – нигде не найти.
Пальцы жёлтые держат конверты,
Просыпая тихонько листки.
Строки плавают все пред глазами.
Не читаются письма почти.
Взять хотел бы в помощники память,
Да она тоже там, где очки.

Совпадение рук

Кто руку нежно мне на грудь положит,
И тихо скажет, – без тебя нельзя!
А кто случиться самым первым сможет,
Чтобы навек закрыть твои глаза.
И в жизни большего себе я не желаю,
Как не сложилась бы моя судьба!
Хочу, чтоб эти руки совпадали,
И не менялись на иные никогда.

О патриотизме

Патриотизм, когда
Ты жаром спалённый, в ангине.
Готов все лекарство отдать
Для выздоровленья Любимой.
Пусть гланды не в силах кричать
О том, что такое Родина.
А ты готов целовать
Каждую Любимой родинку.
О Патриотизме вновь,
Как словно бы на Голгофу.
А Патриотизм – Любовь.
И окончим все разговоры.

О тех, кто сегодня ушёл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.